

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481

УДК 821.161.1+930.25

В. В. Борисова*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Российская Федерация)*

borisova@ufacom.ru

«Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского*

Аннотация. В статье реконструируется жизненный путь первого душеприказчика А. Ф. Куманиной, Александра Тимофеевича Неофитова, на основе введенных в научный оборот мемуарных, эпистолярных, биографических и исторических источников. Это ряд свидетельств из воспоминаний А. М. Достоевского, не выходивших в печати, не опубликованное письмо А. Г. Достоевской к Н. Н. Страхову от 18 октября 1881 г. с характеристикой куманинского дела как «несчастливого и заколдованного» (РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 6. Д. 6. Л. 1), материалы знаменитого московского процесса о фальшивомонетчиках и других преступлениях («Клуб червонных валетов. Уголовный процесс». 1877 г.), а также факты из истории Московской академии коммерческих наук, основателем и попечителем которой был Алексей Алексеевич Куманин. А. Т. Неофитов, будучи преподавателем всеобщей истории в этой академии, стал одним из главных членов преступного сообщества, названного «Клуб червонных валетов». Его участие в различных махинациях вокруг куманинского наследства нашло отражение в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Подросток». В результате проведенного исследования делается вывод о том, что в первую очередь из-за мошеннических действий А. Т. Неофитова, проявившего себя как *enfant terrible* в родственном окружении писателя, дело о куманинском наследстве оказалось для романиста не только «несчастливым» и «заколдованным», но и в высшей степени криминальным.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Т. Неофитов, куманинское наследство, «Клуб червонных валетов», «Преступление и наказание», «Подросток»

Об авторе: Борисова Валентина Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3/а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008).

Дата поступления: 30.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 156–167. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481

Одной из важнейших задач современного достоевсковедения является создание научной биографии Ф. М. Достоевского как фундаментальной основы изучения его литературного наследия. Но, несмотря на имеющиеся источниковедческие исследования, в жизнеописании автора великого «пятикнижия» остаются «темные места», нуждающиеся в прояснении. К ним, в частности, относится роль А. Т. Неофитова в деле о куманинском наследстве, которое В. М. Карепина назвала «несчастливым»¹, а А. Г. Достоевская — «заколдованным» (см. Приложение). Для Достоевского же оно оказалось

роковым: долгая судебная тяжба стоила ему много времени, сил, нервов и средств, ускорив кончину (см.: [Борисова: 60]).

Свод основных фактов о А. Т. Неофитове представлен С. В. Беловым в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» [Белов, 2001], его имя упоминается в комментариях к роману «Преступление и наказание» [Коган: 746–747], [Белов, 2011: 131–132], [Тихомиров: 218–220].

Тем не менее соотнесенные друг с другом мемуарные, эпистолярные, биографические и исторические материалы позволяют более полно раскрыть роль А. Т. Неофитова в махинациях вокруг куманинского наследства: имеется в виду его участие в качестве одного из главных членов в знаменитом преступном сообществе в Москве «Клуб червонных валетов», что нашло отражение не только в «Преступлении и наказании», но и в романе «Подросток».

Александр Тимофеевич Неофитов (род. в 1833 г.) — это лицо из ближайшего окружения семьи Достоевских, сын Елизаветы Егоровны Куманиной, которая была двоюродной племянницей Александра Алексеевича Куманина, мужа Александры Федоровны, родной тетки писателя. Елизавета Егоровна с детства жила в доме Куманиных, ее выдали замуж в 1832 году с небольшим приданым от дяди. Андрей Михайлович Достоевский в своих воспоминаниях отмечает, что у Елизаветы Егоровны *«капиталь и имѣніе было по меньшей мѣрѣ тысячъ во сто!..»*².

В мемуарах и письмах главного биографа рода Достоевских есть и другие сведения о Неофитове — «Сашенькѣ, впослѣдствіи Александрѣ Тимофѣевичѣ», первенце Неофитовых³. С некоторой ревностью и завистью Андрей Михайлович вспоминает, что это *«былъ балованныйшій ребенокъ, крестникъ дяди Александра Алексѣевича, который очень любилъ этого мальчишку, и котораго я всякій праздникъ, въ каникулярное время живши (послѣ смерти отца) у дяди, видалъ на объѣдахъ у дяди. — Тогда какъ всѣ прочія дѣти многочисленныхъ родственниковъ Куманиныхъ на подобные объѣды не допускались, потому что дядя, неимѣвши своихъ дѣтей, какъ то не дружелюбно смотрѣлъ на чужихъ»*⁴.

Последний раз Андрей Михайлович встретился с Александром Неофитовым зимой 1864 г. в доме тетушки в Москве: *«...онъ тогда уже былъ мужчиною лѣтъ подѣ тридцать, былъ коллежскимъ ассессоромъ и преподавателемъ Всеобщей Исторіи <...>. Мы съ нимъ возобновили знакомство, но онъ не понравился мнѣ своимъ фатовствомъ, и я это высказалъ тетушкѣ, хотя Сашенька по прежнему былъ ихъ кумиромъ»*⁵.

С 1856 по 1865 гг. Неофитов, имея гражданский чин 8-го класса, служил профессором всеобщей истории в Московской практической академии коммерческих наук⁶, «главнейшим ревнителем» которой при ее создании был Алексей Алексеевич Куманин⁷, а почетным членом Совета — Александр Алексеевич Куманин.

Несмотря на все благодеяния со стороны богатых «дяди» и «тетушки», именно Неофитов оказался первым фигурантом в деле о куманинском

наследстве и виновником того, что от завещанных Александрой Федоровной Куманиной значительных капиталов в результате мошенничества остались жалкие крохи. В отличие от другого племянника А. А. Куманина, Константин Константинович Куманин, он проявил себя как *enfant terrible*⁸ в знаменитом семействе, что видно из письма А. М. Достоевского сестре Александре: «*Мнѣ говорилъ самъ Константинъ Константиновичъ Куманинъ (бывшій душеприкащикомъ дяди Алекс<андра> Алексѣевича), что если бы при первомъ началъ обратились къ нему, то онъ не допустилъ бы ни копѣйки разстратить изъ капиталовъ тетушки*»⁹. Летом 1865 г., остановившись в Москве, Андрей Михайлович узнал от родных, что «*кумиръ этотъ сидѣлъ уже въ Острогъ за поддѣлку 5^{ми} Государственныхъ Банковыхъ билетовъ*»¹⁰.

О мошенничестве с банковскими билетами много писали в крупных газетах того времени. В «Московских ведомостях», например, материалы «Дела о превращении свидетельств внутреннего 5% с выигрышами займа из настоящего их достоинства в высшие» публиковались в августе-сентябре 1865 г. и в январе 1866 г. с заголовками типа: «Профессор всеобщей истории во главе мошенников».

Так, в «Московских ведомостях» от 10 сентября 1865 г. (№ 197) сообщалось, что «среди главных участников оказался лектор всемирной истории А. Т. Неофитов. В его квартире был произведен обыск, и найдено 13 переделанных свидетельств лотерейного займа». Было упомянуто и имя Александры Федоровны Куманиной: «...из частных лиц более всего пострадала купчиха Куманина, у которой г. Неофитов занял 15 000 руб. под залог трех переделанных свидетельств в 5000 рублей каждое»¹¹.

В суде свое участие в подделке банковских билетов Неофитов объяснил стремлением быстро получить деньги и помочь матери: «Видя затруднительное положение своих дел и дел своей матери, желая по возможности упрочить свое состояние и смотря в то же время на людей, легко обогащающихся недозволенными средствами без всякой ответственности, он, — рассказывает обозреватель процесса, — пришел к мысли воспользоваться легкостью незаконного приобретения и обеспечить себя и семейство матери своей <...>. Таковым представилась переделка свидетельств 5%-го <...> займа из 100-рублевых в 5000-е»¹².

Неофитов лицемерил: его собственное жалованье составляло около 500 рублей ассигнациями в год, мать тоже нужды не знала. Хотя позже, по свидетельству Андрея Михайловича Достоевского, «*бѣдная мать истратила все бывшее у нее имѣніе для спасенія сына, но конечно это не помогло. Она умерла кажется въ нищенскомъ состояніи...*»¹³.

Оказавшись в Бутырской тюрьме, Неофитов продолжил свою преступную деятельность и стал фигурантом громкого дела о «Клубе червонных валетов» как участник шайки фальшивомонетчиков¹⁴. Это дело, следствие по которому велось 7 лет, рассматривалось Московским окружным судом в феврале-марте 1877 года. Преступное сообщество состояло преимущественно

из представителей высших слоев, его члены обвинялись в том, что, действуя группами, совершали различные махинации с целью получения денежных средств. Ход процесса освещался во многих газетах, в том числе очень подробно в газете «Московские ведомости». Материалы дела, включая стенограмму судебного процесса, были впоследствии выпущены отдельным томом [Клуб червонных валетов...].

Неофитов вместе с другими арестантами обеспечил подделку денежных знаков и их поставку за пределы тюрьмы. Банковские билеты подвергались «вытравлению», чтобы изменить номинал, и передавались на волю в грязном белье. На суде было доказано «первенствующее значение» Неофитова в этих преступлениях и «сильное влияние его на окружавших его арестантов и совершенное подчинение их его убеждениям, советам и указаниям» [Клуб червонных валетов...: 98].

Осужденного Неофитова исключили из числа куманинских наследников¹⁵, а душеприказчиком вместо него был назначен Александр Павлович Иванов (муж сестры писателя, Веры Михайловны), который в свою очередь стал жертвой других аферистов из «Клуба червонных валетов», толкнувших его на невыгодные сделки с ценными бумагами. Именно они способствовали окончательному разорению Александры Федоровны Куманиной: *«...сь помощью Александра Павловича подыскались частные лица, которые взяли всю почти капиталы тетушки изъ 10% подъ залого недвижимых имъній, внесли впередъ проценты за первый годъ и на второмъ же отказались платить проценты, говоря и распространяя слухи, что дураковъ еще въ Москвѣ не мало, которые даютъ чистые денежки подъ залого не стоящие и половины взятой суммы. — Такимъ образомъ тетушка осталась и безъ капиталовъ и безъ процентовъ на которые можно было бы жить»*¹⁶.

Одного из мошенников, Гавриила Федоровича Асафова, А. М. Достоевский назвал «адвокатомъ изъ подъ Иверской»¹⁷: *«Не успѣлъ я приѣхать и освоиться въ городъ, какъ получилъ письмо отъ неизвѣстной мнѣ личности нѣкоего Г^{на} Асафова. Про личность эту я слышалъ еще бывши въ Москвѣ, что онъ былъ приглашенъ Алекс. Павлов. Ивановымъ завѣдывать и руководить съ юридической точки зрѣнія, дѣлами тетушки Алекс. Федоровны. — Это по рассказамъ былъ, что называется, адвокатъ изъ подъ Иверской. — Онъ то и былъ по слухамъ главнымъ сводникомъ и орудіемъ того, что Ал. Павловичъ Ивановъ рѣшилъ на отдачу капиталовъ тетушки въ частныя руки подъ залого»*¹⁸.

Можно предположить, что Г. Ф. Асафов, заверивший среди прочих лиц своей подписью духовное завещание А. Ф. Куманиной в сентябре 1865 г. и соответственно располагавший информацией о ее движимом и недвижимом имуществе, не случайно подговорил неопытного А. П. Иванова к невыгодным сделкам, что подтверждается другим нелицеприятным свидетельством А. М. Достоевского: *«...Александръ Павловичъ очень былъ неопытенъ въ денежныхъ дѣлахъ и при томъ очень доверчивъ, — какъ же півкъ*

Асафову, знакомому со всѣмъ этимъ, не нагрѣть было руки. И вотъ онъ сосводничалъ Алекс<андру> Павловичу Яковлевыхъ и Лазаревыхъ-Станицевыхъ, доказывая ему что 10% лучше 5%, а что люди эти богачи и имѣнія предложенныя въ залогъ, чуть ли не золотое дно; и что занимая у тетки деньги изъ 10%, они чуть ли не благодѣяніе дѣлаютъ этимъ. Александръ Павловичъ соблазнился и дѣло было сдѣлано»¹⁹.

Позже адвокат В. И. Веселовскій, познакомившись с фальшивыми сведениями, обозначенными в залоговыхъ свидетельствахъ, назвал подробности о сделкахъ с Ивановымъ и Асафовымъ при займе денегъ весьма нехорошими: «Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ отъ 1го Сентября <1868 г.>, Веселовскій писалъ, что Яковлевъ устрашенный Уголовнымъ преслѣдованіемъ за фальшивыя свѣдѣнія обозначенныя въ залоговыхъ свѣдѣтельствахъ, прискакалъ къ нему Веселовскому, и между прочимъ разказалъ ему подробности о сдѣлкахъ съ Ивановымъ и Асафовымъ при займѣ денегъ, подробности нехорошія, добавляетъ Веселовскій, ежели они вѣрны и правдивы!»²⁰. В деле о «червонныхъ валетахъ» на суде разбирались 13 подобныхъ вовлеченій в невыгодныя сделки.

Нашумевшее уголовное дело с участием Неофитова в наибольшей степени отразилось в романе «Преступление и наказание». На этот источник первой обратила внимание Г. Ф. Коган, связав с ним высказывание Лужина о московской шайке фальшивомонетчиковъ [Коган: 746–747].

Во время встречи с Раскольниковымъ Лужин, подключившись к обсужденію убійства старухи-процентщицы, рассуждает о глобальных измененияхъ в обществѣ, которые подталкиваютъ к нарушенію закона не только представителей низшихъ слоев, но и людей образованных: «...тамъ передовые, по общественному своему положенію, люди фальшивыя бумажки делаютъ; тамъ, в Москвѣ, ловятъ целую компанію поддѣльвателей билетовъ послѣднего займа с лотереей, — и в главныхъ участникахъ одинъ лекторъ всемирной исторіи <...> И если теперь эта старуха процентщица убита однимъ изъ закладчиковъ, то и это, стало быть, былъ человекъ изъ общества болѣе высшаго, — ибо мужики не закладываютъ золотыхъ вещей...» [Достоевскій, 6: 117–118].

С. В. Белов в своемъ комментарии отметил, что современники увидели в этихъ словахъ отраженіе нашумевшей криминальной исторіи [Белов, 2011: 131]. Такъ, в текстѣ романа остались слѣды признанія Неофитова, объяснившего на суде свое участіе в преступномъ замыслѣ: «А что отвѣчалъ в Москвѣ вотъ лекторъ-то вашъ на вопросъ, зачѣмъ онъ билеты поддѣлывалъ: “Все богатеютъ разными способами, такъ и мнѣ поскорѣй захотѣлось разбогатѣть”» [Достоевскій, 6: 118]. Схожая мотивировка Раскольникова зафиксирована в черновыхъ записяхъ к роману: «Я хотѣлъ обезпечить себя и мать...» [Достоевскій, 7: 166].

Б. Н. Тихомировъ в результатѣ тщательнаго текстологическаго анализа подготовительныхъ материаловъ к «Преступленію и наказанію» установилъ, слѣдующее: они «позволяютъ заключить, что в раннихъ замыслахъ процессъ московскихъ фальшивомонетчиковъ долженъ былъ получить в “Преступленіи и наказаніи” болѣе широкое отраженіе. См.: “Онъ [Раскольниковъ] читаетъ

(видимо, газеты. — Б. Т.) и думает: про Неофитова, про Гаврилова (Коха) и проч.» (Д. Т. 7; 152)» [Тихомиров: 218–220].

На наш взгляд, эпизод с чтением и обсуждением газетных материалов о московском уголовном деле сохранился и в окончательном тексте романа, что видно из беседы Раскольников и Заметова. Она подтверждает то, что писатель был хорошо знаком со всеми обстоятельствами преступления с ценными бумагами, о которых писалось в газетах:

«— Нынче много этих мошенничеств развелось, — сказал Заметов. — Вот недавно еще я читал в “Московских ведомостях”, что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили. Целое общество было. Подделывали билеты» [Достоевский, 6: 126].

Раскольников, демонстрируя свою осведомленность, иронизирует над неопытностью членов шайки («Это дети, бланбеки, а не мошенники!») и в свою очередь, говорит: «...и разменять-то не умели: стал в конторе менять, получил пять тысяч, и руки дрогнули. Четыре пересчитал, а пятую принял не считая, на веру, чтобы только в карман да убежать поскорее. Ну, и возбудил подозрение» [Достоевский, 6: 126].

Здесь имеется в виду реальный случай, который помог разоблачить Неофитова и его сообщников. Раскольников прямо говорит, что узнал об этом из газет: «—О, это уже давно! Я еще месяц назад читал» [Достоевский, 6: 126], [Тихомиров: 236]. В одну из московских контор пришел молодой студент П. Виноградов, предложивший выкупить свидетельство государственного займа в 5000 рублей, но, пересчитывая полученные деньги, он сбился и вызвал у кассира подозрение. Когда студента арестовали, выяснилось, что его наняли за 100 рублей, после чего по цепочке посредников следствие вышло на фальшивомонетчиков, которые переделывали сторублевые билеты в пяти тысячные, обменивая их на настоящие деньги или отправляя подставных лиц разминать билеты внутреннего займа в частных конторах²¹.

Высмеивая поведение студента, Раскольников рассуждает о том, как бы он повел себя в такой ситуации:

«Я бы не так сделал, — начал он издалека. — Я бы вот как стал менять: пересчитал бы первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; начал бы ее считать, досчитал бы до середины, да и вынул бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свет, да переверотил бы ее и опять на свет — не фальшивая ли? “Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей таким образом наемни потеряла”; и историю бы тут рассказал. А как стал бы третью тысячу считать — нет, позвольте: я, кажется, там, во второй тысяче, седьмую сотню неверно сосчитал, сомнение берет, да бросил бы третью, да опять за вторую, — да этак бы все-то пять. А как кончил бы, из пятой да из второй вынул бы по кредитке, да опять на свет, да опять сомнительно,

“перемените, пожалуйста”, — да до седьмого поту конторщика бы довел, так что он меня как и с рук-то сбуть уж не знал бы! Кончил бы всё наконец, пошел, двери бы отворил — да нет, извините, опять воротился, спросить о чем-нибудь, объяснение какое-нибудь получить, — вот я бы как сделал!» [Достоевский, 6: 127].

Но, как и Раскольников, Неофитов был отправлен в Сибирь. На заседании Московского окружного суда с участием присяжных заседателей 5 марта 1877 г. ему был вынесен приговор о поселении в «места не столь отдаленные» (Западную Сибирь).

История «червонных валетов» отразилась не только в «Преступлении и наказании». В романе «Подросток», начатом в феврале 1874-го и законченном в ноябре 1875 г., с перипетиями шумного московского процесса связана сюжетная линия взаимоотношений Ламберта и Аркадия Долгоорукова:

«Дело в том, что товарищ моего детства Ламберт очень, и даже прямо, мог бы быть причислен к тем мерзким шайкам мелких пройдох, которые общаются взаимно ради того, что называют теперь шантажом и на что подыскивают теперь в своде законов определения и наказания. Шайка, в которой участвовал Ламберт, завелась еще в Москве и уже наделала там довольно проказ (впоследствии она была отчасти обнаружена). Я слышал потом, что в Москве у них, некоторое время, был чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек. Пускались они в свои предприятия и всею шайкою и по частям. Производили же, рядом с самыми грязненькими и нецензурными вещами (о которых, впрочем, известия уже являлись в газетах), — и довольно сложные и даже хитрые предприятия под руководством их шефа. Об некоторых я потом узнал, но не буду передавать подробностей» [Достоевский, 13: 322].

Многократное упоминание о шайке в этом фрагменте записок Подростка не случайно. Выступая с обвинительной речью на последнем заседании Московского окружного суда, помощник прокурора Н. В. Муравьев доказывал, что элитные преступники объединились именно в шайку, назвав себя «червонными валетами» [Клуб червонных валетов...: 183]. Обвинитель отнес их к своеобразному и характерному «типу нравственной порчи, зла и преступления»: «Это преступник, обладающий изящными манерами, хорошо воспитанный, занимающий видное общественное положение, имеющий благородное, нередко аристократическое происхождение» [Клуб червонных валетов...: 184].

И другие свидетельства о преступлениях шайки в Москве («довольно сложные и даже хитрые предприятия») явно связаны с ходом процесса по делу о «червонных валетах» («на что подыскивают теперь в своде законов определения и наказания»), широко освещавшегося в столичных газетах («известия уже являлись в газетах»).

Сама же характеристика руководителя шайки («*чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек*»), на наш взгляд, перекликается с судебным описанием облика Неофитова: «Неофитов человек более чем средних лет, с продолговатую физиономией, окаймленной черною, местами с проседью бородою, с гладко зачесанными волосами, с спокойными глазами, с степенными манерами. Кажется серьезным человеком, как и подобает быть тюремному старожилу. В его физиономии есть нечто сдержанное» [Клуб червонных валетов...: 163].

И, хотя А. Т. Неофитов как прототип остался на периферии романа «Подросток», нельзя отрицать того, что в течение целого десятилетия он входил в орбиту жизни и творчества Достоевского. Писатель не мог не догадываться о том, что во многом из-за него «дело о куманинском наследстве» оказалось не только «несчастливым» и «заколдованным», но и в высшей степени криминальным, что нашло соответствующее отражение в его произведениях 1860–1870-гг.

Приложение

Письмо А. Г. Достоевской к Н. Н. Страхову от 18 октября 1881 г.

Источник: РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 6. Д. 6. Л. 1.

Публикуется впервые.

18 Окт.
1881 г.

Можете себя представить, многоуважаемый Николай Николаевич, что я все еще в Москвь и сама хорошенько не знаю когда отсюда выйду! Это какое-то несчастное, точно заколдованное наследство: думаешь все кончено, всь формальности исполнены, можно завтра пхаться, — не тутъ-то было, какая нибудь бездѣлица и дѣло затягивается опять на долгое время. На дняхъ я была въ Рязани и тамъ блистательно исполнила мои дѣла: благодаря рекомандательнымъ письмамъ для меня сдѣлала Опекa и Судъ въ три дня то, что обыкновеннымъ порядкомъ идетъ года полтора. Я не знала какъ и радоваться и уѣхала въ деревню на пять дней.

Возвращаюсь, иду въ Опеку за бумагами и тамъ мнѣ, съ самымъ любезнымъ видомъ, увѣряютъ что бумаги мои уже отосланы. — Куда? — Въ Петербургъ. — Да кто Васъ просилъ отсылать туда? — Его Превосходительство очень спѣшили кончить дѣло, мы и выслали ихъ въ тотъ же день въ Двор. Опеку. Вотъ ужъ медвѣжья услуга! Раздѣль будетъ въ Москвь, а бумаги мои уѣхали въ Петербургъ. Теперь пока-то они вернуться сюда, а дѣло только за мной и можетъ пожалуй расклеиться. Ну развѣ это не обидно, развѣ нельзя сойти съ ума отъ всѣхъ этихъ проволочекъ и неожиданностей? Да вотъ хоть бы моя поѣздка въ деревню? Выѣхала въ чудесный осенній день и проѣхала 84 версты до деревни отлично. И вдругъ въ ночь

дѣлается мятель и снѣгу наноситъ страшно¹ много, вотъ въ такую-то погоду² я ѣду осматривать отведенные мнѣ участки; на другой день тоже мятель и сильный морозъ, и наконецъ, возвращаясь, дѣлаю 84 версты вмѣсто сутокъ въ двое сутокъ³. Дорогой останавливаюсь во всѣхъ встрѣчныхъ деревняхъ и съ отчаяніемъ думаю что могу простудить Оею. (Лилю я оставила въ Москвѣ.) Оею я укутала всѣмъ что было теплаго и онъ не мерзъ, но я продрогла до костей. Къ довершенію горя на Окъ развели мостъ и пришлось переѣзжать на паромъ. И вотъ вернулась въ Рязань и стало таять. Надо же быть такому несчастью, что именно пока я была и ѣхала изъ деревни была страшная погода, а раньше и позже отличная. Ну развѣ не заколдованное это наслѣдство! Но не смотря на всѣ мои мученія я очень довольна моей поѣздкой въ деревню. Представьте себѣ, оказалось что на⁴ мою долю отдѣлено 200 десят. строеваго лѣса въ 30 лѣтъ и вдругъ между этими 200 дес. оказалось около 70 дес. омишары, т. е. кочковатаго болота съ мхомъ въ кисть толицинной. А между тѣмъ Шеръ завѣрялъ меня честью, что ни порубокъ, ни омишаръ въ моей части нѣтъ. Указали мнѣ на омишару деревенскіе старики, съ которыми я по душѣ поговорила, и я велѣла везти себя именно въ мою часть и собственными глазами видѣла это болото. Теперь, возвращаясь въ Москву, я потребовала отъ Шера написанія условія, по которому за всякую десятину омишары, которая попадетъ въ моемъ участкѣ, онъ долженъ прирѣзать десятину строеваго лѣса. А такъ какъ я узнала въ деревнѣ про нѣкот. его неблаговидныя дѣла по управленію имѣніемъ, то и заставила его согласиться на мои требованія. Что за подлецы! Не поѣзжай я въ деревню и досталась бы мнѣ эта омишара.

<На поляхъ:> Вы спросите, зачѣмъ я написала Вамъ это письмо? А потому что женщина, какъ существо низшее, не можетъ не быть болтлива и не излить свою душу и т. д. и т. д.

Уважающая Васъ
А. Достоевская.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского»).

¹ См. письмо В. М. Карепиной к А. М. Достоевскому от 28 мая 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 81. Л. 4 об. Ср.: [Ланский: Т. 86, с. 432].

² Достоевский А. М. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 54 (л. 139 об.), где первая цифра дана по нумерации А. М. Достоевского, вторая — по архивной.

¹ Вместо: *страшно* — было: *такъ*

² Вместо: *погоду* — было: *мятель*

³ Вместо: *въ двое суток* — было: *въ два дня*

⁴ Вместо: *на* — было: *въ*

- ³ Там же. С. 53 (л. 139).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 54 (л. 139 об.).
- ⁶ См: Столетие Московской практической академии коммерческих наук. М.: тип. И. Д. Сытина, 1910. С. 731 (А. Т. Неофитов значится в списке преподавателей истории под номером 14). Судя по всему, служил он добросовестно: в 1859 г. ему была объявлена благодарность за составление литографированного курса по истории, 4 декабря 1860 г. — «за составление извлечения изъ исторіи Академіи» (см. об этом: Глебов И. История Московской академии коммерческих наук (1810–1860). М., 1860. С. 620, 637). Составитель «Истории Московской академии коммерческих наук» (М., 1860), ее преподаватель Иван Глебов выразил признательность «достопочтеннымъ товарищамъ своимъ, в том числе и А. Т. Неофитову, за прекрасные извлечения и разработку матеріаловъ» (с. 667–668) для сборника, посвященного 50-летию юбилею Академии, которую Неофитов впоследствии опозорил своим участием в деле фальшивомонетчиков (с. 667–668).
- ⁷ В 1806 г. Алексей Алексеевич Куманин стал основателем, а впоследствии и попечителем Академии, также, как и его сыновья Константин, Валентин и Александр. См. об этом: Глебов И. История Московской академии коммерческих наук (1810–1860). М., 1860. С. 8–9, 16, 18, 27. Здесь же (на стр. 444, 445, 447, 460) представлены сведения о пожертвованиях Куманиных-младших в фонд Академии: («Усвоивъ как-бы по наслѣдству отъ своего родителя, достопамятнаго благодѣтеля Академіи, любовь къ ней, они не переставали обнаруживать свою великодушную заботливость о благѣ заведенія и обильными приношеніями, и личнымъ участіемъ въ трудахъ общества любителей коммерческихъ знаній». — С. 463).
- ⁸ фр.: «ужасный, несносный ребенок / человек».
- ⁹ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1140–1141 (л. 688 об. — 689).
- ¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 54 (л. 139 об.).
- ¹¹ Московские ведомости. 1865. 10 сентября. № 197.
- ¹² Московские ведомости. 1866. 10 января. № 1.
- ¹³ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 54 (л. 139 об.).
- ¹⁴ На XXX Международных чтениях «Достоевский и современность» 22 мая 2016 г. об этом говорил Н. В. Паншев в докладе «Преступные сообщества в России 60–70-х гг. XIX века».
- ¹⁵ Из письма А. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому от 30 сентября 1869 г., переписанного в воспоминаниях: «...я во время пребыванія въ Москвѣ узналъ что вслѣдствіе арестованія Неофитова, по случаю поддѣлки имъ Свидѣтельствъ на 5% билеты, и вслѣдствіе того, что онъ обманулъ и тетюшку на 15 т<ысячъ> рублей, — завѣщаніе переписано, что Неофитовъ вовсе исключень изъ числа наслѣдниковъ» (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1068 (л. 652 об.)).
- ¹⁶ Там же. С. 1026 (л. 632 об.).
- ¹⁷ Такой «аблокат не имеет ничего общего с людьми, аккредитованными судом и институтом присяжных поверенных. Он торгует без патента», часто совершая деяния, не предусмотренные законом (см.: И. Ф. Горбунов. Иверские юристы // Горбунов И. Ф. Очерки о старой Москве. 1881. https://librebook.me/ocherki_o_staroi_moskve/vol2/1). Простонародное прозвище «аблакаты из-под Иверской» получили за то, что поджидали своих клиентов у Иверских ворот в Москве. Здесь «иверские юристы», изгнанные из московских палат, судов и приказов, писали со слов просителей просьбы, отзывы, давали консультации.
- ¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1028 (л. 632–632 об.).
- ¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 56 № 1. С. 1042 (л. 639 об.).
- ²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1048 (л. 642 об.).
- ²¹ См. об этом: Московские ведомости. 1866. 1 января. № 1.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: в 2-х т. — СПб.: Алтейя, 2001. — Т. 2. — 544 с.
2. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. — 4-е изд. — М.: Либроком, 2011. — 240 с.
3. Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 1. — С. 46–68 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (18.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука. — 1972–1990.
5. Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. — М.: тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1877. — 593 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (18.01.2020).
6. Коган Г. В. Примечания // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М., 1970. — С. 746–747. (Серия «Литературные памятники»).
7. Ланский Л. Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 349–564. (Серия «Литературное наследство»; т. 86).
8. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание в современном прочтении: книга-комментарий. — 2-е изд. испр. и доп. — СПб.: Серебряный век, 2016. — 560 с.

Valentina V. Borisova

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)

borisova@ufacom.ru

“Jack of Hearts” A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90013 Dostoevsky.

Abstract. The article reconstructs the life path of Alexander Timofeevich Neofitov, the first legal representative of A. F. Kumanina. The recreation is based on the memorial, epistolary, biographic and historic resources introduced into scientific discourse. They include the testimonies from the unpublished memoirs of A. M. Dostoevsky, an unreleased letter by A. G. Dostoevskaya to N. N. Strakhov dated October 18, 1881, which characterizes the Kumanin case as “wretched and bewitched” (Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 1159. List 6. File 6. Page 1), materials of the well-known Moscow trial of false-coiners, and other criminal cases (“The Jack of Hearts Club. Criminal trial”. 1877). It also comprises the details from the history of Moscow Academy of Commercial Studies, which Aleksei Alekseevich Kumanin had founded and where he served as a trustee. As a professor of World History at the Academy, A. T. Neofitov became one of the key members of the Jack of Hearts Club criminal network. His involvement in various illegal schemes with the Kumanin inheritance was described in Dostoevsky’s novels *Crime and Punishment* and *The Raw Youth*. As a result of the inquiry, we can deduce that due to the fraud conducted by Neofitov, who was the ‘enfant terrible’ among the writer’s relatives, the Kumanin inheritance case turned out to be not only “wretched” and “bewitched”, but highly criminalized.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. T. Neofitov, Kumanin inheritance, Jack of Hearts Club, *Crime and Punishment*, *The Raw Youth*

About the author: *Valentina V. Borisova* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolyutsii 3a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation)

Received: 30.01.2020

Date of publication: 31.03.2020

For citation: Borisova V. V. “Jack of Hearts” A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 156–167. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481 (In Russ.)

References

1. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentariy* [*Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”. Comment*]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)
3. Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 1, pp. 46–68. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (accessed on January 18, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. *Klub chervonnykh valetov. Ugolovnyy protsess* [*The Jack Hearts Club. Criminal Trial Process*]. Moscow, tipografiya M. N. Lavrova i Ko Publ., 1877. 593 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (accessed on January 18, 2020). (In Russ.)
6. Kogan G. V. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie* [*Dostoevsky F. M. Crime and Punishment*]. Moscow, 1970, pp. 746–747. (Ser. “Literaturnye pamyatniki”). (In Russ.)
7. Lanskiy L. R. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
8. Tikhomirov B. N. «Lazar! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie v sovremennom prochtenii: kniga-komentariy* [*“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)